

**Читайте мистические
триллеры Альбины Нури
в серии «За гранью реальности»:**

Вычеркнутая из жизни
Пропавшие в раю
Отмеченная судьбой
Очарованная мраком
Плененные тайной
Пятый неспящий
Обреченные на страх
Пассажир своей судьбы
Глоток мертвой воды
Дорога в мир живых
По разные стороны вечности
Черные души праведников
Тот, кто стоит снаружи
Город мертвецов
Плачущий лес
Погребенные за мостом
Тихий дом
Варварин остров
Гиблые земли
Ведьмино поле
За приоткрытой дверью
Сквозь страх
Дети черного болота

Альбина **НУРИ**

**ПОГРЕБЕННЫЕ
ЗА МОСТОМ**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Нури, Альбина.

Н90 Погребенные за мостом / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202558-7

После смерти любимой жены Илья тоже чувствовал себя мертвым. Чтобы отвлечься и сменить обстановку, он устроился на работу в санаторий, расположенный высоко в горах. Поначалу Илье там понравилось: тишина, спокойствие, прекрасная природа, приятные люди. Но идиллию разрушила непогода, а потом в санаторий пришла одна из местных жительниц и заявила: скоро здесь случится нечто очень плохое и всем надо как можно скорее уехать, иначе никто не останется в живых. Конечно, ее сочли сумасшедшей и выставили за дверь, но страх уже поселился в душах людей. Похоже, в этих горах притаилось древнее зло и оно готово пробудиться...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202558-7

© Нури А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

Когда они, наконец, закончили, уже стемнело и снова начал накрапывать мелкий, как водяная пыль, дождик.

Лука, который толком не спал уже больше двух суток, валился с ног от усталости, хотя и старался не подавать виду, не жаловался и не роптал — побаивался отца Владимира. Очень уж тот был суров и строг. К тому же втайне Лука гордился, что именно его, посчитав достойным, выбрали в помощники отцу Владимиру.

Гордыня — плохое чувство, греховное, но побороть его не очень-то получалось. То, что им предстояло сделать, отец Владимир и другие посвященные именовали не иначе как «миссией». Провалить доверенное им дело значило бы погубить все, что с таким трудом и потерями удалось свершить братьям.

Но они справились.

— Никто его тут не отыщет, — со сдержанным удовлетворением в голосе произнес отец

АЛЬБИНА НУРИ

Владимир, отзываясь на мысли своего младшего товарища. — Никогда.

Это уж точно. По тайной тропе, о которой знал только сам отец Владимир, родившийся в этих местах, они забрались, кажется, на самый высокий горный пик. Окажись здесь Лука в одиночестве, ни за что не нашел бы дороги назад, так и заблудился, и сгинул бы в этих проклятых горах.

Но с отцом Владимиром бояться нечего: до того как найти себя в служении Господу, он был разбойником — так о нем говорили братья (вернее, шептались, потому что вслух никто не отваживался), поэтому и знал множество потайных мест в горах, где стоял монастырь.

В пути провели часов двадцать, а то и больше. Сначала долго ехали по разбитой дороге в крытой повозке, которой управлял молчаливый возница с обвисшими усами. Потом, когда дорога закончилась, отец Владимир и Лука, забрав свою ношу, долго шли вдоль буйной горной речки, которая с ревом неслась по камням, словно стараясь опередить путников.

Здесь, внизу, всегда было холодно: черные горы, заросшие дикими лесами, нависали, не пропуская солнечные лучи. Лука совершенно вымотался, пробираясь по острым камням. Долгополая ряса липла к телу, обвивала ноги, мешая идти, он постоянно боялся упасть и размокнуть голову о серые каменные глыбы.

Погребенные за мостом

А отцу Владимиру, казалось, все было нипочем: он шел ходко и уверенно, то и дело останавливаясь, чтобы дожидаться обливающегося потом Луку. Конечно, думал Лука, ему-то не приходится тащить лопаты и мешок. Впрочем, при мысли о том, *что* тащил отец Владимир, Луку мутило от страха.

Потом, дойдя до какого-то одному ему ведомого места, отец Владимир резко свернул в сторону горной гряды. Лука старался поспевать за ним. Они углубились в заросли деревьев и кустов: мокрые от дождя ветки хлестали по лицу, за шиворот попадала вода, и Лука морщился, чувствуя сбегаящие по спине ледяные струи.

— Наверх, — скомандовал отец Владимир, на мгновение подняв голову к мрачному далекому небу, и Лука послушно поплелся следом, изо всех сил стараясь не думать о том, как станет подниматься на такую высоту.

Он пытался воскресить в себе ту радость, переполнявшую его, когда он узнал, что ему предстоит сделать, какую честь оказывают ему братья. Но выходило плохо: боязнь высоты была сильнее той призрачной радости.

Путь наверх давался с трудом. Лука не смотрел вниз, видел перед собой лишь спину своего спутника, но при мысли о том, что с каждым шагом дно ущелья отдаляется от них, делалось дурно.

АЛЬБИНА НУРИ

«А спускаться как же?» — думал он.

Придется ведь смотреть прямо перед собой, видеть зияющую бездну, похожую на раззявленную пасть дикого зверя — смертоносную, ненасытную. К тому же будет темно, так и оступиться недолго.

Наконец подъем закончился. Они оказались на узкой площадке, похожей на сердито выпяченную нижнюю губу, над которой нависал «нос» — выступ скалы.

— Зароем его здесь, — проговорил отец Владимир. — Время пришло.

Лука, у которого ноги подгибались от напряжения, хотел было попросить о передышке, но наткнулся на жесткий взгляд отца Владимира и вонзил в землю лопату.

— Рой поглубже, не меньше двух метров, — приказал тот, и Лука послушно принялся копать.

К счастью, земля была довольно мягкая, но все равно провозился он больше часа. Отец Владимир все это время стоял рядом, не выпуская из рук то, что следовало опустить в вырытую Лукой яму, и беззвучно творя молитвы.

Наконец Лука услышал сухой приказ:

— Довольно. А теперь отойди в сторону.

Детали ритуала были ведомы лишь одному отцу Владимиру, и Лука, почти не понимая смысла, выполнял то, что от него требовали: вынь из мешка то, подай это. Он знал: нужно все сделать правиль-

Погребенные за мостом

но, дабы то, что они принесли с собой на вершину горы, не смогло вернуться в мир, неся с собой смерть, ужас и разрушение. Сознание ответственности, понимание великой чести, которая была ему оказана, вновь охватили молодого монаха.

И вот теперь, когда все наконец-то закончилось, отец Владимир и проговорил: никто не сумеет отыскать то, что они закопали.

— Возница может проговориться, — вдруг испугавшись, что все труды пойдут прахом, сказал Лука.

— Не сможет, — ответил отец Владимир и улыбнулся. Его лица в сгустившейся темноте не было видно, но Лука догадался по голосу. — Нож под сердцем сделал его молчаливым.

Луке стало страшно от того равнодушия, с каким отец Владимир упомянул об убийстве. Видимо, правду говорили братья: был он прежде настоящим душегубом.

— Я и не заметил, когда ты... — Он сглотнул клейкую тягучую слюну. — Сделал это.

— Еще бы ты заметил.

Отец Владимир подошел к краю платформы и глянул вниз без малейшего следа боязни. Разглядеть что-то в такой темноте он вряд ли смог бы, если только не был способен видеть в темноте, как кошка. Далеко внизу гремела река, перекрывая шорох дождя. Лука, пряча страх, задиристо проговорил:

АЛЬБИНА НУРИ

— А как они узнают, что мы с тобой не станем болтать?

— Мы божьи люди, — ответил отец Владимир, и в этих словах Луке почудилась усмешка. — Ладно, хватит разговоров. Пора возвращаться.

Лука стоял близ стены, на противоположном конце площадки. При мысли о спуске начинало мутить.

«Может, до утра подождать?» — пронеслось в голове. Но следом пришла мысль о том, что ночевать рядом с *этим* не менее жутко. И все же хотелось немного потянуть время, чтобы набраться решимости, поэтому Лука задал вопрос, который давно его мучил.

Отец Владимир ответил ему, объяснил все подробно, и больше уже не было причин медлить.

— Пошли, — вздохнул Лука, приблизившись к отцу Владимиру, все так же стоящему у края обрыва. — Как мы будем... — начал он, собираясь спросить, как они станут спускаться, но не успел договорить.

Отец Владимир быстрым и точным, почти неуловимым движением схватил его за плечо, рванул на себя, а потом с силой толкнул. Предсмертный крик Луки был похож на писк новорожденного котенка — да бедняга и был таким: не повидавшим жизни глупым

Погребенные за мостом

котенком. Он и постриг-то принял совсем недавно.

Щуплое тело мальчишки полетело вниз и, преодолев несколько сотен метров, ударилось о камни. Отцу Владимиру хотелось думать, что он ничего не понял и умер быстро, разбив голову об один из каменных выступов. Он даже ощутил нечто похожее на жалость и пустоту. Если бы мог обойтись без помощи, то не стал бы брать Луку. Но одному было не управиться. Несмышлениш-Лука был крошечным винтиком, однако, не сдelaй он свою часть работы, ничего бы не вышло.

Отцу Владимиру доводилось убивать, но две последние смерти не отягощали его совести и не пятнали души. Братья отмолят, но даже не это главное. Господь знал, что иначе нельзя, он совершил все во имя Его.

— По-другому никак, Лука, — тихо проговорил отец Владимир, стремясь объяснить покойному, почему ему пришлось принять такую жестокую смерть. — Вздумай ты распустить язык, все могло бы повториться.

Повторения следовало избежать любой ценой. Отец Владимир поклялся сделать все, как нужно, — и сделал.

Мир очистился от скверны, погубившей неслучайное число душ и уничтожившей бы гораздо больше, если бы братья, Лука и он сам не положили этому конец.

АЛЬБИНА НУРИ

— Кончено, — проговорил отец Владимир.

Теперь оставалось последнее. Он сплел пальцы в тугой замок, опустил голову, прикрыл глаза и прочел молитву, потом еще одну.

Закончив, отец Владимир посмотрел в темноту. Он не видел перед собой ничего, кроме мрака, но это не важно. Внутреннему взору его была доступна дикая, зловещая красота здешних мест. С детства он знал каждый камень, каждый куст и был рад, что именно здесь ему предстоит соединиться со Всевышним.

Он много грешил, всеми силами старался искупить грехи, когда понял, что ему открылся Свет, и верил, что сегодняшний поступок откроет ему путь к сияющей вершине Божьего прощения.

«Я иду к Тебе», — мысленно проговорил отец Владимир и без страха шагнул в пропасть.

Ледяная черная бездна приняла его, вознося к небесам.

Часть 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Количество вранья зашкаливало. От натужных улыбок сводило челюсти. От лживых слов, что застревали в глотке, тошнило и хотелось прополоскать рот.

— Ты прав, так будет лучше, — сказал он и подумал, что дольше ему не выдержать. — Иногда нужно сменить обстановку.

— Конечно, я прав! — с фальшивым энтузиазмом подхватил Александр, которого все обычно называли Ацо. — Денег подзаработаешь, а заодно и здоровье поправишь, нервы подлечишь, успокоишься. Знаешь, какая там красота? А воздух? Его ложкой можно черпать! А потом вернешься и с новыми силами...

«Не будет никаких «новых сил». Откуда им взяться? Да и зачем?»

Будущее не просто виделось туманным — оно отсутствовало. А может, все было не так уж и безнадежно, просто не хотелось за него сражаться — с судьбой, с самим собой, со своим организмом, нежеланием вести дела, как прежде, и бог знает с чем еще.

АЛЬБИНА НУРИ

— Тебе помочь? Ну, собраться или...

Ацо не договорил, преданно глядя на Илью, и ему подумалось, что даже в детстве и юности, когда вокруг всегда полно народу, не было у него друга надежнее.

Невысокий и плотный, с большими грустными глазами и крупным мясистым носом, Александр поначалу показался Илье похожим на печального клоуна. Потом, спустя короткое время, он понял, что не встречал никого великодушнее и добрее.

Сербы в большинстве своем открытые, общительные, доброжелательные, готовые помочь — по приезде Илью это немало удивляло. Страна, которая стала его домом, была теплой во всех отношениях — климат, люди, условия жизни. Он оттаивал здесь, отдыхал душой, делался мягче, проще.

Илья женился на сербке Славице и переехал сюда девять лет назад, продав квартиру в России, и по прошествии этого, не столь уж продолжительного времени привык, обжился, врос в местную благодатную почву обеими ногами.

А теперь его будто выкопали из этой гостеприимной земли, словно куст малины, и бросили засыхать.

— Я уже собрался, Ацо. Завтра возьму сумку и на автобус.

Друг кивнул и глотнул пива из зеленой запотевшей бутылки. Они почти каждый вечер си-

Погребенные за мостом

дели на террасе и пили пиво — то у Ильи, то у Ацо.

Пьют в Сербии не как в России: с одной бутылкой пива или рюмкой ракии (в сочетании с чашкой кофе) могут запросто весь вечер просидеть. Говорили по-сербски — благодаря все тому же Ацо и Славице Илья быстро освоил язык, через полтора года разговаривал совершенно свободно.

— Позвони, как доедешь. И вообще звони, не пропадай.

— Конечно.

Они помолчали.

— Но ведь это и вправду хорошо, что ты поедешь, — чуть ли не жалобно проговорил Ацо. — Нужно следить за здоровьем. Мы с моей и так переживаем! — Под «моей» имелась в виду Добрила, жена Ацо. — Как бы у тебя что с легкими не случилось: ты ведь каждый день пылью дышишь, бензином!

Говорить другу, что он сам наносит собственным легким куда больше вреда, выкуривая по две пачки сигарет в день, было бесполезно. У Ацо вообще были весьма оригинальные суждения о медицине. Например, он не пил кофе с молоком, свято веря, что это вредит печени, «цементирует» ее. При этом килограммами поглощал жирную свинину, домашнюю свиную колбасу, плескавицу, чевапи, «печене — жаренных на вертеле по-